

“ОДИНОКИЙ ВОЛК”

В небе над черно-белым морем плывут черно-белые облака. Черно-белый рыбак ставит на лодке черно-белый парус. Он так бесконечно одинок в этом черно-белом мире...

Олега Григорова, автора этого графического листа, назвали “Открытием 2002 года в Екатеринбурге.” Он работает в редкой технике, о которой большинство из нас вряд ли когда-нибудь слышали. Техника называется “гратография”, а суть состоит в том, что на лист бумаги сперва наносится тонким слоем воск или парафин, который затем покрывается слоем краски, а уж потом художник берет в руки скальпель или еще какие-нибудь инструменты колюще-режущего характера и выскабливает, вырезает, вычерчивает на этой поверхности то, что ему приходит в ум.

Григорову на ум приходит многое. Дон Кихот, бесконечно путешествующий от мельницы к мельнице, или сырой подвал средневекового трактира, где странные, полубрейгелевские персонажи в мрачном веселье распивают баварское пиво. Или черно-белые шахматные фигуры, короли и королевы, затевают свой бесконечный поединок суховатой грации и математической точности. В создании сюжетов Григоров неистощим и непредсказуем. Он легко входит в пространство Хемингуэя или Булгакова, сочиняя свои графические сюиты на мотивы великих писателей и удивляя знатоков свежестью восприятия и мощностью воплощения. Но чаще он сочиняет нечто свое, и это “свое” больше напоминает сны или миражи. Неслучайно одна из его выставок называлась “Черно-белые миражи.”

— Как ни странно, это моя первая была персоналка, — рассказывает Олег. — Все как-то не получалось, хотя работ за эти годы я, наверное, уже сделал штук пятьсот. Все куда-то рассыпается, распыляется. Очень много листов ушло на Запад, в Германию, в Англию. Наверное, там это больше нужно, хотя, конечно, обидно. Жалко, что ушла вся булгаковская серия, я ее даже показать нигде не успел. И “Старика и море” Хемингуэя тоже жалко... Я слушаю Олега и смотрю на его работу “Одиночка”. Одинокий волк забился под дерево и ощерился на стаю собак. Гордый, красивый и жалкий. И дерево тоже очень красивое. И снег, на который, наверное, сейчас прольется кровь. Очень сильная работа и трагичная. Что-то личное есть в ней — что-то о художнике. А вот другая — кот, веселый, мартовский, зевает, шурится на солнышке, блаженствует, радуется минутной передышке. И это тоже про Олега. Он — такой: странный, бесприютный, перекаати-поле. Приехал из Кургана, окончил Свердловское художественное училище, живет где придется и рисует, рисует, рисует. Жизнь совсем неустроенная, а работы получаются удивительно светлые, легкие. Особенно его многочисленные лошади.

Вообще, животные у Олега намного симпатичнее, чем люди. Мир людей Григорова страшноват, почти карикатурен, полон горечи и гротеска. Правда, есть одно исключение — Санчо Панса. На его шляпе могут разместиться и Дон Кихот со своей лошадкой и копьем, да еще роскошный фламандский натюрморт впридачу. Санчо возьмет в ладонь мельницу, подует на ее послушные крылья и скажет: “Все это лишь ветер, пыль, мираж. Все это не более чем фантазия. Не беспокойтесь, добрые сеньоры. Все хорошо в Испанском королевстве. До скорой встречи, вы еще услышите о наших подвигах!”

Всего лишь мираж. Сон, вырезанный скальпелем на воске. Странная сказка, рассказанная нам грустным человеком со всем изяществом старой графической школы и пронзительностью российского художественного сознания.

Кучи́тура, — 2002. —

Светлана ДОЛГАНОВА

6-13 НОЯБ. — С. 4 Екатеринбург